ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Вторник, 30 марта 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 17 (653)

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

Доклад т. СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I

Политическая беспечность

Чем об'яснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать, и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева — Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты об'единяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто-бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги об'единяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны, — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, — все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неот'емлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем об'яснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем об'яснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II

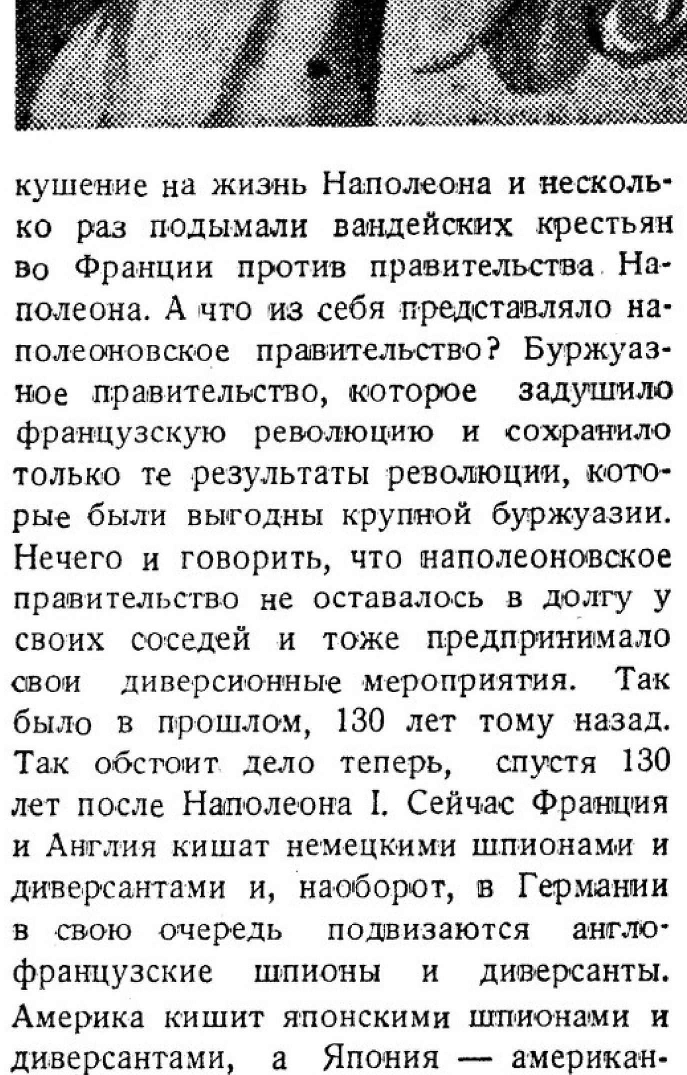
Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали по-

кушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи, и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III

Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Продолжение см. стр. 2

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

Доклад т. СТАЛИНА

на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

Продолжение. Начало см. стр. 1

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и об'ясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеймить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплоатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил, — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов,— такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты, — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, — стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей **технически**. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки. В нем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей **политически**, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и об'ясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV

Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, — забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п. — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением, — порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, — какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V

Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия:

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо раз'яснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, — все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Раз'яснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Раз'яснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Раз'яснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо раз'яснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Раз'яснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо раз'яснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, раз'яснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым

Окончание см. стр. 3

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

Доклад т. СТАЛИНА на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

Окончание. Начало см. стр. 1—2

лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловой, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и итти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть на-чеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших раз'яснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и не-троцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших раз'яснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплоататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам, — чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клевещут на рабочий класс СССР, — чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю, поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров, — вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные **«Партийные курсы»**. На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные **«Ленинские курсы»**. На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные **«Курсы по истории и политике партии»**. На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное **«Совещание по вопросам внутренней и международной политики»**. Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо, и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили таким образом основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. **(Аплодисменты).**

Овладеть большевизмом, ликвидировать беспечность

Доклад товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» представляет собой документ исключительного значения. Охватывая основные проблемы социалистического строительства, давая исчерпывающий анализ крупнейших недостатков нашей работы, указывая пути преодоления этих недостатков, доклад товарища Сталина ставит перед партийными, советскими, хозяйственными организациями, перед всеми большевиками задачу овладения большевизмом, политического воспитания кадров, ликвидации нашей политической беспечности.

С огромной широтой и полнотой в докладе товарища Сталина показаны основные факты из области международного положения СССР, охарактеризовано лицо современного троцкизма, давно превратившегося из политического течения в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, банду заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. В докладе исчерпывающе показаны причины и корни недостатков нашей работы, причины возникновения в наших рядах идиотской болезни политической беспечности, забывчивости, благодушия и политической слепоты.

С большой силой напоминает товарищ Сталин о тех фактах, которые забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и убаюканы нашими несомненными успехами: о капиталистическом окружении, постоянно засылающем в наши тылы троцкистских агентов, наемников международных охранок; о разнице между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем; о разнице между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами, обманывавшими наших людей технически, и троцкистами, двурушнически втирающимися в доверие и обманывающими политически, под прикрытием партбилета.

Чтобы разоблачить маскирующегося и двурушничающего врага, чтобы разгромить и выкорчевать его змеиные гнезда, нам нужно острое политическое чутье, настоящая политическая прозорливость, неусыпная революционная бдительность, умение разглядеть подлинное лицо врага, как бы хорошо он ни маскировался.

О необходимости пронизать всю работу наших партийных, советских, профсоюзных и общественных организаций неусыпной революционной бдительностью многократно предупреждала партия всех партийных руководителей, всех членов партии. Революционной бдительности — этому неот'емлемому свойству каждого большевика постоянно на множестве конкретных фактов учили нас Ленин и Сталин. Но, как оказалось на деле, наши успехи убаюкали многих партийных товарищей, создали у них настроения благодушия, успокоенности, зазнайства, хвастовства и беспечности.

«Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота».

Именно вследствие политической слепоты и ослабления большевистской бдительности некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах «не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты».

Товарищ Сталин, вскрыв со всей силой серьезные недостатки в работе наших организаций, ясно и четко наметил пути и способы преодоления этих недостатков, пути и способы борьбы против идиотской болезни беспечности, против ротозейства и политической слепоты. Он развернул программу работы по ликвидации последствий гнусной подрывной деятельности врагов народа, указал мероприятия, необходимые для того, чтобы разгромить врага, ликвидировать троцкистских и иных двурушников, создать условия, при которых они не могли бы больше вредить.

Никогда не забывать о том, что мы находимся в капиталистическом окружении, засылающем к нам своих наемников — троцкистских агентов; беспощадно разить эту банду вредителей, шпионов и диверсантов, громя и выкорчевывая до конца змеиные гнезда современного троцкизма; вооружить наши кадры большевизмом, политически воспитывая и просвещая наших людей, закаляя их большевистскую бдительность, ликвидируя политическую беспечность и доверчивость, — вот основное содержание тех мероприятий, которые должны быть неотложно реализованы. Политическое воспитание кадров, большевистская закалка их — центральная задача партийной работы.

«Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду» (Сталин).

Этот новый лозунг партии определяет основное звено всей нашей работы. Большевистское воспитание кадров, вооружение их большевизмом требуют развернутой борьбы с гнилыми теориями, размагничивающими нашу бдительность, требуют широчайшего развертывания критики и самокритики, раскрытия всех и всяческих недочетов работы, борьбы с благодушием и самоуспокоенностью.

Партийные организации писателей и весь союз писателей в целом еще только приступают к перестройке своей работы в соответствии с решениями Пленума Центрального Комитета ВКП(б) и указаниями доклада товарища Сталина.

Политическая беспечность и ротозейство, благодушие и самодовольство, склонность к парадным манифестациям и головокружению от успехов — все эти вреднейшие явления весьма характерны для работы писательских организаций.

Критика и самокритика у нас не в почете, зато хвастовства и трескучих деклараций хватает с избытком. Настоящая работа по большевистскому воспитанию и политическому просвещению писательских кадров, особенно кадров писательской молодежи, по повышению их революционной бдительности не стала до сих пор центральным моментом в работе партийных и общественных организаций писателей, занимающихся еще очень много всевозможной суетою по мелким поводам, чрезмерно увлекающихся материально-хозяйственными и бытовыми вопросами в ущерб политической работе.

Огромное непочатое поле деятельности открывается в этом смысле перед руководящими писательскими организациями. Для того, чтобы перестроить союзную работу, нужно, прежде всего, беспощадно вскрыть ее недостатки. Собрание ленинградских писателей, поставившее под огонь большевистской критики и самокритики работу всего союза писателей, свидетельствует о серьезных сдвигах в сознании широкой массы писателей, о желании взяться за работу по-новому. К сожалению, нельзя сказать того же о союзе писателей на Украине и в Белоруссии.

Предстоящее общемосковское собрание писателей должно пройти под знаком большевистской самокритики, вскрывающей все наши недостатки и провалы, помогающей делу большевистского воспитания кадров.

Только на этой базе мы сможем добиться успехов в деле овладения большевизмом, в борьбе с болезнью политической беспечности. Пусть каждый писатель-большевик — партийный и непартийный — помнит о своей ответственности в этой борьбе, помнит слова товарища Сталина:

«И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом».

Другу-писателю

ПИСЬМО А. С. НОВИКОВУ-ПРИБОЮ ОТ КРАСНОФЛОТЦЕВ И КОМАНДИРОВ ОКДВА

В день 60-летия А. С. Новикова-Прибоя в газете ОКДВА «Тревога» помещено письмо к юбиляру краснофлотцев и командиров передового корабля Амурской Краснознаменной военной флотилии.

«Поздравляя вас с юбилеем, — пишут авторы письма, — мы сердечно благодарим вас за то, что вы в своих произведениях рассказали нам правду об ужасах царского флота. Вы сумели раскрыть перед нами картины безотрадного прошлого, потому что сами на своих плечах вынесли всю тяжесть матросской жизни и знаете цену правде в произведениях советской литературы.

Неприглядным и страшным рисуется нам быт затравленного матроса. Сжимаются кулаки, когда читаешь о полных зверских расправах офицера над беззащитным матросом.

Читая и перечитывая страницы «Цусимы», мы все больше ненавидим то, — еще совсем как будто недавнее, но канувшее в вечность, что отравляло человеческую жизнь, и все более любим новые дни нашей счастливой жизни.

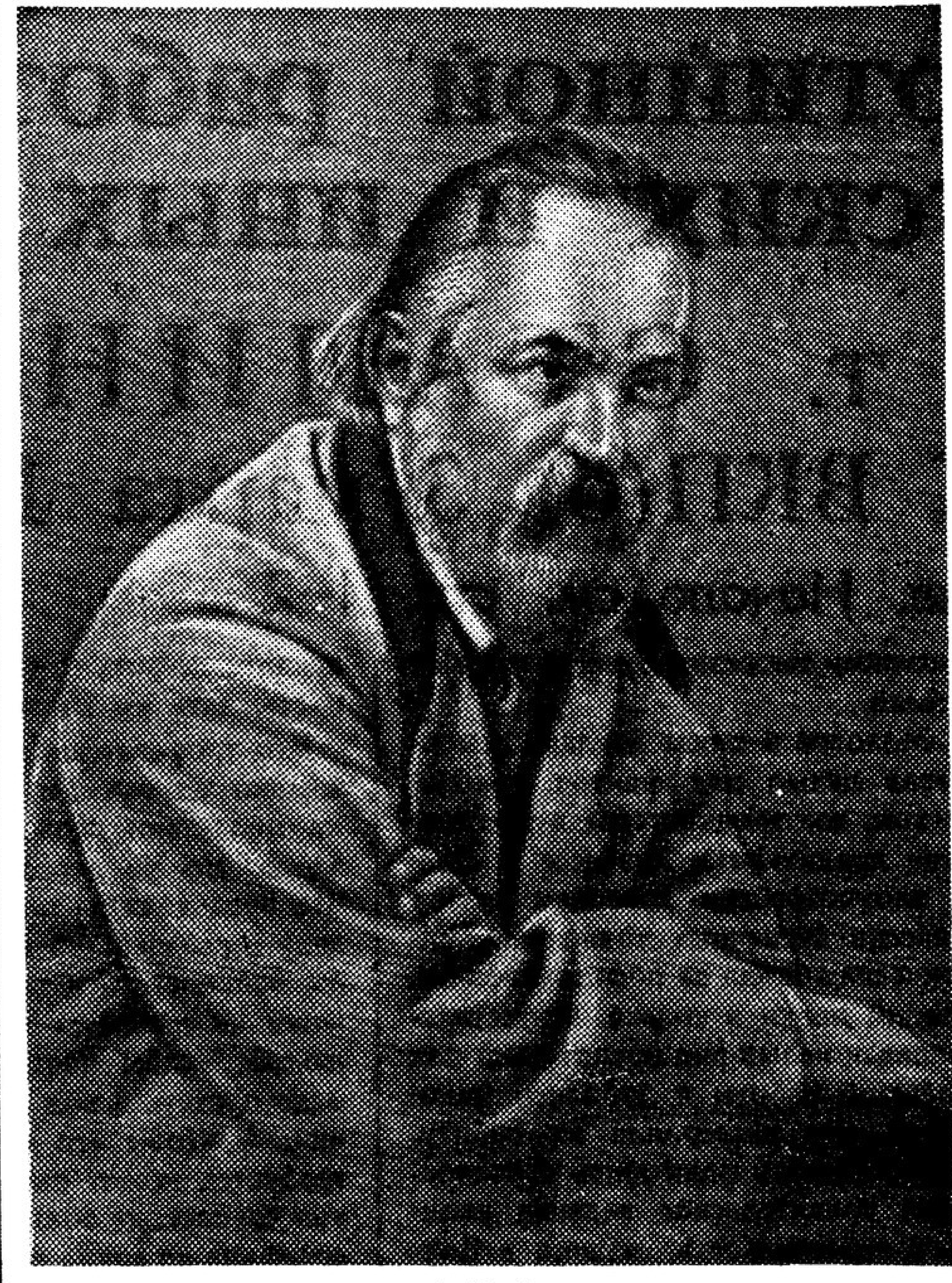
Мы любим своих командиров потому, что они — наши учителя и хорошие товарищи. У нас одна мечта, одни желания, одни радости. Мы — сыны одного трудового народа, за счастье которого краснофлотцы выходят на вахту. Эскадра Рожественского погибла в водах Тихого океана. Если враг заставит нас повернуть в его сторону башни, мы уничтожим врага».

В конце письма амурцы просят А. С. Новикова-Прибоя написать новую книгу о сегодняшнем радостном дне могущественного красного флота.

«Вы — наш родной краснофлотец и писатель, — пишут товарищи, — от души желаем вам долгой плодотворной работы».

В том же номере «Тревоги» опубликованы отклики старого матроса, ныне батальонного комиссара т. Моисеева, младшего командира Тужилина, приветствие китайского поэта Эми-Сяо и других.

ХАБАРОВСК. По телеграфу.

А. И. Герцен

С. ШТРАЙХ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «БЫЛОЕ И ДУМЫ»

(К 125-летию со дня рождения А. И. Герцена)

Сочинения Герцена подвергались преследованиям царской цензуры почти с самого начала его выступлений в литературе. После переезда Герцена за границу его публицистическая и вообще писательская деятельность приняла явно революционный характер, и все вообще произведения Герцена стали запретными в России. Самодержавие старалось искоренить из памяти русских читателей даже самое имя Герцена. Многочисленные попытки выпустить в царской России его произведения отдельными книгами приводили либо к их сожжению, либо к полному искажению герценовской мысли жандармской цензурой. Изданное во время первой революции 7-томное петербургское собрание сочинений Герцена представляет собою образец того, как варварски расправлялись правящие классы с одним из лучших русских писателей, с произведениями человека, который прославил русское имя во всем культурном мире. А затем произведения Герцена снова сжигались на кострах.

Только после Великой Пролетарской революции читатель мог наконец получить полное собрание сочинений Герцена в том виде, как он их написал. Издание вышло в 1918—1925 гг. в 22 томах под редакцией М. К. Лемке, которому удалось осуществить это огромное литературное предприятие потому, что пролетариат Страны советов, борясь в годы гражданской войны под руководством великой партии Ленина—Сталина с разрухой и интервенцией, заботился также о сохранении культурного наследства.

В литературном наследстве Герцена совершенно исключительное место занимают его художественные мемуары «Былое и думы». Мысль о воспоминаниях этого типа зародилась у Герцена еще в 1836 г. В письмах из Вятки к Наталье Александровне Захарьиной, ставшей впоследствии его женой, Герцен говорит о сочинении под названием вроде «Моя жизнь», «Юность и мечты», «О себе» и т. п., где должно быть рассказано многое. «Я решительно хочу, — пишет он 27 апреля, — в каждом сочинении моем видеть отдельную часть жизни души моей. Пусть их совокупность будет иероглифическая биография моя... Пусть впечатления, которым я подвергался, выражаются отдельными повестями, где все вымысел, но основа — истина». Через два месяца, 27 июня, Герцен возвращается к этой теме: «Я писал тебе когда-то, что намерен составить брошюрку под заглавием «Встречи»; теперь план этого сочинения расширился. Все яркое, цветистое моей юности я опишу отдельными статьями, повестями, вымышленными по форме, но истинными по чувству. Эти статейки вместе я назову «Юность и мечты». И дальше — план мемуаров, почти буквально совпадающий с содержанием первых двух частей «Былого и дум», написанных через 17 лет.

Юношеский план возник у Герцена во время его первой разлуки с Натальей Александровной. Ему было не до этих планов, когда он приступил в 1852 г. к составлению очерка о своей жизненной драме, представлявшего первоначальный набросок «Былого и дум». Едва Герцен приступил к этому очерку, как «воспоминания былого нахлынули» на него, и ему стало «жаль упустить эти воскреснувшие образы с такой подробностью, что другой раз их не поймать» (письмо к М. К. Рейхель от 5 ноября 1852 г.). Дальше в этом письме — связанные с детством Герцена имена и местности, о которых, через три года, рассказано в первых трех частях «Былого и дум». А теперь Герцен «целый день» сидит и думает, «как писать»: большой том, т. е. обширные воспоминания общественно-политического содержания, типа гетевской «Поэзии и правды», или краткий «мемуар о своем деле», т. е. очерк событий двух последних лет — о личной семейной драме.

Победила идея художественных мемуаров. Сообщая М. К. Рейхель 14 ноября, что он будет «писать и о первой части» своей жизни, Герцен добавлял, однако, что будет писать об этом «коротко». Но как ни боролся он с искушением дать большую картину своего развития на фоне общественной жизни, как ни старался сузить рамки и размах повествования, а полотно ширилось и разрасталось. Задуманный в виде сжатого мемуара рассказ о личном деле превратился в многотомную художественную повесть.

Герцен умер, не успев закончить свои мемуары и выпустить все написанное отдельным изданием. Но в разных главах «Былого и дум», в заметках на рукописях он дал целый ряд указаний о том, как и в какой последовательности должны быть составлены отдельные части этого произведения. Однако до настоящего времени нет окончательно установленного текста «Былого и дум». Все вышедшие до сих пор издания знаменитых мемуаров составлены по различным планам, и на каждом из них так или иначе отразилось усмотрение редактора. Некоторые из этих изданий даже искажают мысль автора и совершенно нарушают его волю относительно состава и расположения отдельных частей.

Для нового издания «Былого и дум», выпускаемого государственным Литературно-художественным издательством под редакцией тт. Ф. М. Левина, И. С. Новича и С. Я. Штрайха, произведена тщательная параллельная сверка текста во всех предшествующих публикациях и отдельных изданиях, главным образом прижизненных герценовских, а также изучены хранящиеся в Москве рукописи Герцена.

В расположении глав и отдельных частей «Былого и дум» редакция следовала точным и определенно высказанным указаниям Герцена в публикациях отрывков, в отдельных изданиях, в частной переписке и в заметках на его рукописях.

При сверке текста по всем первопечатным изданиям и дошедшим до нас рукописям восстановлено несколько десятков фраз и несколько сот отдельных слов, пропущенных или замененных в последних изданиях «Былого и дум»; порою эти пропуски и замены искажали герценовскую мысль. Восстановлены, при соблюдении правил нового правописания, этимологические особенности герценовского стиля, придающие мемуарам своеобразие эпохи.

Союзу советских писателей

Товарищи, от моего имени и от имени Марии-Тересы Леон я сердечно благодарю вас за тот ласковый прием, который вы нам оказали, и за те выражения вашей любви к нам, которой вы нас окружили.

Спасибо за выражение ваших чувств к Испании, свидетелями которых мы постоянно являлись.

Спасибо за тот интерес, который вы ежедневно проявляете к нашей борьбе, за привязанность к нашей культуре, за понимание наших проблем.

Мы хотели бы видеть вас в ближайшее время в нашем освобожденном от натиска врага Мадриде, в нашей победившей Испании.

Братски обнимаем вас.

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ.

Культурная связь Испании с Советским Союзом

ВОКС получило из Испании сообщение о том, что в Валенсии создано Общество культурной связи с Советским Союзом. Председателем его избран известный ученый, профессор мадридского университета Мануэль Маркэс. В числе членов президиума — наш недавний гость писатель-революционер Рафаэль Альберти. В состав общества входят виднейшие представители науки и искусства Испании.

Общество культурной связи с Советским Союзом предполагает устроить в Испании ряд выставок, демонстрирующих достижения СССР в различных областях культурного строительства.

В скором времени Общество предполагает отправить в СССР делегацию, которая привезет сюда экспонаты, характеризующие культурную жизнь Испании, а также экспонаты для выставки «Борьба испанского народа против фашистских интервентов».

СОБРАНИЕ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(По телефону от нашего корреспондента)

25 марта в Доме писателя в Минске открылось собрание советских писателей Белоруссии. На собрании присутствовали писатели Минска, Витебска и других городов, работники театра, Академии наук, Наркомпроса, художники. С докладом об итогах пленума правления ССП СССР и задачах ССП в связи с подготовкой к 20-й годовщине Великой Пролетарской революции выступил зам. председателя правления ССП Белоруссии т. Александрович.

Докладчик нарисовал неутешительную картину бездеятельности правления и указал, что отсутствие в ССП большевистской критики и самокритики и ослабление классовой бдительности привели к тяжелым последствиям. Тов. Александрович отметил, что правление союза увлекалось преимущественно организационной суетой, подменяя ею основное: политическое воспитание писателей, создание условий для творческой активизации, оказание конкретной творческой помощи в работе писателей.

Все это не преминули использовать, и не безрезультатно, заклятые враги народа троцкисты и нацдемы, долгое время безнаказанно орудовавшие в рядах союза советских писателей Белоруссии (Дунец, Жилунович, Зарецкий, Вольный, Сташевский, Ходыко, Дудар, Клясторный, Чарот, Микулич). Махровый националист, подлый троцкист Дунец в этих условиях чувствовал себя безнаказанным. Жилунович (Тишка Гартный), работая в государственном издательстве Белоруссии, организовывал и выпускал книги, враждебные рабочему классу.

— Жилунович, — говорит т. Александрович, — с первых же дней советской власти был ее заклятым врагом. Прячась за десятки псевдонимов, он протаскивал в печать враждебную нацдемовскую болтовню о том, что будто корни коммунистической партии Белоруссии идут от так называемой белорусской социалистической громады — этой архибуржуазной националистической организации; он фальсифицировал историю революционной борьбы белорусского народа.

В своей низкопробной литературной писанине Жилунович выступал с враждебной теорией, будто в дореволюционной Белоруссии не было классов.

Эти же контрреволюционные «теории» последовательно протаскивал в литературу нацдем Зарецкий. Ряд его произведений — это выразительная программа действия национал-фашизма. По пути Жилуновича и Зарецкого полз ядовитой кулацкой гадиной юродствующий Баранавых, культура которого стояла на уровне дореволюционного коновала.

Враги народа старались разложить ряды писателей, заражая их бытовым разложением, пьянством, богемой.

От богемы до фашизма — расстояние короткое. Об этом свидетельствуют факты. Вольный, Ходыко, Клясторный и им подобные мерзавцы, пролезая временами в печать со своими никчемными подхалимскими стишками и прикрываясь ими, вели подрывную контрреволюционную работу и приносили большой вред нашей стране.

В еврейской литературе долгое время орудовал троцкист Юдельсон; печатал свои контрреволюционные «произведения» агент Гестапо, троцкистский шпион Л. Зускинд.

Эти враги, отравленные бешеной ненавистью к белорусскому народу, таскали из государственной казны советские деньги. Дудар ухитрился получить в Госиздате Белоруссии несколько десятков тысяч рублей, причем не напечатал ни одной строчки. Сташевский, состоя в драматической секции формально только секретарем, а фактически заправилой, бесконтрольно выписывал себе деньги за несуществующие произведения.

В своей озверелой борьбе против нашей страны нацдемы, пользуясь организационной распущенностью в редакции «ЛіМ» и притуплением большевистской бдительности, выступали на страницах этой газеты с неприкрытыми контрреволюционными вылазками.

— Ряд фактов, — говорит т. Александрович, — свидетельствует о том, что и сейчас классовый враг кое-где продолжает свое подлое дело. Только этим можно об'яснить вопиющие прорывы в работе Госиздата, в частности с изданием переводов Пушкина на белорусский язык.

Докладчик подвергает резкой критике бездеятельность секций союза (еврейской, поэтической, детской, секции критиков и прозаиков и др.). Он приводит ряд фактов подхалимства, угодничества, свидетельствующих о нездоровой атмосфере семейственности, существовавшей и существующей в союзе и по настоящее время.

Тов. Александрович отметил, что, несмотря на ряд крупнейших недостатков в работе союза, белорусская литература в 1936 году добилась некоторых успехов. Успехи эти — известное письмо белорусского народа вождю, изложенное в стихах группой поэтов, песни о Красной армии, коллективная книга истории гражданской войны в Белоруссии, принятая редакцией «Истории гражданской войны», новая пьеса Якуба Коласа «Война — войне», большая поэма еврейского поэта Харика «На чужом пиру» и некоторые другие произведения. Докладчик прочитал перечень произведений, которые готовят писатели к 20-й годовщине Великой Пролетарской революции.

Доклад т. Александровича, продолжавшийся три часа, бесспорно претендовал на самокритичность.

Десятки раз возвращаясь к вопросу о бездеятельности правления союза, докладчик беспрестанно и неистово бичевал себя, «самокритиковался», как он выразился, призывал «самокритиковаться» других, но... доклад получился похожим на самобичевание, ибо серьезного анализа работы правления т. Александрович не дал.

Хотя доклад и именовался докладом «об итогах работы пленума правления ССП СССР», но об этих итогах и вообще о пленуме не было произнесено ни одного звука.

*

26 и 27 марта собрание продолжалось, происходили прения по докладу. Выступления многих товарищей свидетельствуют о том, что подлинной большевистской критики и самокритики в ССП Белоруссии не было, ибо и эти выступления половинчаты, нерешительны. Однако все выступавшие признали полную бездеятельность правления союза. (Подробный отчет о прениях будет дан в следующем номере газеты).

Вызывает удивление чрезвычайно странное поведение газеты «ЛіМ», которая попрежнему продолжает замалчивать плохую работу правления союза. Мало этого, она совершенно не реагирует на резкую критику газеты «Звязда» (орган ЦК КПБ(б), которая абсолютно правильно обвиняет «ЛіМ» и его ответственного редактора Гурского в политической слепоте и ротозействе.

До сих пор писательским делам «Література і мастацтва» посвятила всего-навсего две статьи.

В первой из них (в передовой от 23 марта, то-есть накануне собрания писателей!) редакция все разговоры свела к общим рассуждениям о задачах союза.

Во второй статье (тоже передовой, от 26 марта), снабженной ответственным заголовком «Под огонь большевистской самокритики всю работу союза писателей», газета, правильно отмечая недостаточную самокритичность доклада т. Александровича и бездеятельность союза, все же не дает настоящей, развернутой критики работы ССП и, что особенно удивляет, газета «ЛіМ» совершенно не говорит о себе, о своих серьезнейших политических ошибках и провалах.

С. ДЕЛЬ

ГЕРЦЕНОВСКИЕ ДНИ

В Москве

Герценовскую выставку организует в Доме советского писателя Государственный литературный музей.

Выставка отразит весь творческий и жизненный путь великого писателя, публициста: его детство, юность, жизнь в ссылках, сначала в Перми, Вятке, Владимире, а потом в Новгороде, участие Герцена в западноевропейском революционном движении 1848—49 гг., революционную деятельность писателя в Лондоне, его работу над книгой «Былое и думы», «Письмами об изучении природы», «Кто виноват?», «С того берега» и др.

В числе экспонатов — портреты Герцена, портреты его политических и литературных друзей и врагов, письма, рукописи, в том числе отрывки из «Былого и дум», дипломные работы Герцена, книги с его автографами, дело III отделения о разрешении писателю в'езда в Петербург и др.

★

Московский городской дом пионеров и октябрят организует 6 апреля большой утренник, посвященный памяти А. И. Герцена.

Такие же утренники будут организованы во всех районных домах пионеров Москвы.

★

Всесоюзная библиотека им. Ленина в дни герценовского юбилея организует экскурсии читателей в отдел рукописей, где находятся автографы писателя, рукописи его произведений, портреты, изображающие Герцена в различные периоды его жизни и его современников.

Сейчас в отделе рукописей идет оживленная работа. Заново пересоставляется научный каталог всего герценовского фонда и составляется научное описание рукописей.

Отдел принимает активное участие в организации юбилейных выставок.

★

В читальном зале библиотеки им. Ленина устраивается выставка, на которой будут представлены женевские издания сочинений А. И. Герцена (60-е и 70-е годы), издания «Вольной русской типографии», комплекты «Колокола» и «Полярной звезды», документальные материалы о ссылке А. И. Герцена, фотокопии рукописей и иллюстративный материал, характеризующий эпоху 40 — 60-х годов.

На выставке будут проводиться беседы с читателями.

★

В доме на Тверском бульваре (№ 25), которому присвоено имя Герцена, до сих пор сохранилась комната, в которой 125 лет назад родился великий писатель-революционер.

В день юбилея в этой комнате будет открыта выставка, устраиваемая Литературным институтом ССП.

Среди экспонатов посетители увидят: подлинник первого издания романа «Кто виноват?» (1847 г.) с надписью-посвящением автора П. Я. Чаадаеву, снимок с рукописи «Былого и дум», чек «Вольной русской типографии» на 200 франков за подписью А. И. Герцена, редкие издания 40—60-х годов и немало других интересных материалов.

★

Литературный институт ССП, который помещается в Доме Герцена, в день юбилея устраивает торжественное заседание. С докладом о жизни и творчестве Герцена выступит проф. Ф. М. Головенченко.

Студенты старших курсов критического отделения института сделают доклады об А. И. Герцене на различных предприятиях Москвы.

В Ленинграде

Лентослитиздат сдал в печать однотомник художественных произведений А. И. Герцена.

В книгу вошли роман «Кто виноват?», рассказы и повести, в том числе и недавно опубликованный в сборнике «Звенья» рассказ «Толпа». Однотомник выходит под редакцией и со вступительной статьей Л. Плоткина.

Ленинградский педагогический институт им. Герцена организует 6 апреля торжественное заседание. Заседание откроется вступительным словом проф. В. Десницкого.

На факультете языка и литературы откроется герценовская выставка.

Дневник «Литературной газеты»

30 марта 1937 г.

Пленум Центрального Комитета большевистской партии поставил со всей остротой вопрос о развертывании большевистской критики и самокритики.

В литературных организациях самокритика долгое время была не в почете, и некоторые руководители почили на лаврах бесспорных успехов советской литературы. Пользуясь самоуспокоенностью и политической слепотой некоторых руководителей писательских организаций, как это было, например, в Москве, Ленинграде, Ереване, Минске, Горьком, враги народа проникали в ССП и творили свое подлое и предательское дело.

Литературная печать, как правило, не стояла на высоте тех требований, которые пред'являлись ей партией, не отвечала тем задачам, которые ставил новый этап в развитии Советской страны. «Литературный Ленинград» — орган союза ленинградских писателей — не разглядел враждебной деятельности троцкистских негодяев, пролезших к руководству Лен. отделением ССП, не вскрыл с присущей большевистской печати напористостью неудовлетворительное состояние организации.

Киевская «Литературная газета», подхалимствуя и занимаясь пустыми славословиями, не могла разоблачить вредительской, контрреволюционной деятельности врага народа Сенченко. И больше того, бездарную драматургическую мазню вновь испеченного «драматурга» Сенченко газета превознесла до небес, потеряв элементарное чувство ответственности за то, что подается на ее страницах.

Белорусская газета «Література і мастацтва» восхваляла выдуманную ею самой деятельность белорусского правления союза советских писателей, работавшего из рук вон плохо.

Отвечает ли наша «Литературная газета», являющаяся органом правления ССП СССР, тем высоким требованиям, которые пред'являют сейчас партия, страна, растущая культурно масса советских читателей?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Работа союза советских писателей страдает множеством недостатков. Возглавила ли газета критику и самокритику в работе писательской организации? Нет, не возглавила. Попытки критики союза на страницах нашей газеты были до последнего времени редки и нерешительны.

Это в значительной мере было следствием слабой связи «Литературной газеты» с основными кадрами советских писателей. Мы не прислушивались к писательским голосам, выражающим неудовлетворение состоянием работы союза писателей.

«Литературная газета» недостаточно помогала союзу писателей в разоблачении враждебных вылазок в литературе. Так, например, мы лишь после статей в «Правде» и в «Известиях» дали материал о вреднейшем романе троцкиста Ивана Макарова, опубликованном в «Новом мире». Такое запоздание особенно нетерпимо со стороны «Литературной газеты».

Факты, подобные этому, отнюдь не способствуют мобилизации бдительности, а они бывали в практике газеты.

Газета не ставила по-настоящему многих вопросов большой, подлинно социалистической литературы: некоторые хорошие книги проходили незамеченными, о других мы не умели сказать читателю по-настоящему — горячо и страстно, делая широкие обобщения и выводы из фактов успехов и неудач наших писателей. Так, не нашел достаточного отражения на страницах газеты творческий опыт Шолохова, Павленко, отчасти Фадеева и др. Вместе с тем мы не занимались сколько-нибудь удовлетворительно работой молодых писателей, особенно на периферии, мы не заметили роста многих молодых дарований нашей литературы.

На последнем заседании президиума правления ССП СССР товарищи Сурков и Ивантер справедливо упрекали нас в том, что мы уделяем недостаточное внимание вопросам советской поэзии и проблемам детской литературы. Когда мы говорим о советской поэзии, речь должна итти не только о том, откликнулись ли мы на книгу стихов того или иного поэта, хотя и это важно.

Речь идет о том, что мы не ставили систематически и последовательно основных проблем нашей поэзии, не вели борьбы за освоение творческого опыта Маяковского, за политическую поэзию против антинародных, формалистических тенденций.

Мы уделяли мало внимания росту и развитию литератур братских республик. Нельзя считать достаточным освещение этой жизни лишь в дни годовщин и юбилеев. Это было прямое следствие слабой связи редакции с писателями братских республик, незнания жизни писательских организаций и их работы, страдавшей, как известно, многими серьезными недостатками.

Сейчас как никогда вырастает роль газеты в деле перестройки литературных организаций, в деле большевистского воспитания кадров литературы. Надо поднять газету на высоту тех задач, которые диктует поворот в политической жизни всей страны, которые встают в связи с перестройкой ССП на основе широкого развертывания внутрисоюзной демократии.

Без помощи писателей, без их активного и живого участия в работе «Литературной газеты» мы с этими задачами не справимся.

Второго апреля состоится общемосковское собрание писателей, на котором будут обсуждаться вопросы работы правления союза. Мы ждем от писателей большевистской критики наших недостатков и ошибок и помощи в деле преодоления их.

Работа литературно-художественных журналов и газет, как рычагов, с помощью которых союз писателей осуществляет свое руководство, должна подвергнуться развернутой критике и самокритике.

Это поможет сделать органы литературной общественности живыми и оперативными, ведущими серьезную и успешную борьбу за создание великой социалистической литературы, воспитывающей многомиллионные массы в духе идей Ленина—Сталина.

Обсуждаем вопросы перестройки ССП

К. ПАУСТОВСКИЙ

Содружество

Союз писателей должен быть содружеством людей, создающих подлинную и прекрасную советскую литературу, людей честных, мужественных и скромных.

О содружестве писателей было высказано много мыслей, но никто так точно не наметил основные черты писательского содружества, как Пушкин.

Если наш союз освободится от затхлых методов учрежденческой работы и станет действительным содружеством людей, борющихся за совершенствование социалистического общества путем художественного слова, то он не сможет найти лучшего определения для себя, чем эти пушкинские строки:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, нераздели́м и вечен—
Неколебим, свободен и беспечен
Сростался он под сенью дружных муз.

Этого у нас нет. Мне месяцами приходится жить вне Москвы, и я не знаю во всех мелочах, как проходит работа союза. Я знаю, что сделано много хорошего, но все же сумма ошибок велика и обесценивает достижения.

Всякое большое дело, в том числе и литература, привлекает к себе известное количество людей случайных, так называемых «жучков», пытающихся подвести путем литературной возни твердую материальную базу под свое более или менее сомнительное существование.

Этот окололитературный народ очень активен, зубаст, ловок и пускает в ход все средства для достижения своих исключительно личных целей.

До тех пор, пока союз не избавится от этих людей со всей жестокостью, какую они заслуживают, он будет тратить много сил и средств на их поддержание в ущерб настоящим писателям (особенно начинающим), людям, как водится, скромным и не лезущим вперед.

Неужели так трудно разгадать глубоко чуждую нашему строю и враждебную каждому честному советскому человеку крикливую, наглую, лживую позу, которой так ловко владеет приспособленец?

Вывод напрашивается сам собой: нужно очистить союз от таких людей, нужно, чтобы в союзе было свежо и легко дышать.

Подхалимство всегда было одним из опаснейших явлений; сейчас особенно ясно, что подхалимство льет воду на мельницу самых заклятых врагов социалистического народа, социалистической культуры. Между тем подхалимы еще живут в нашей среде, попирают справедливость и засоряют жизнь склоками, бессердечием, трусостью.

Они должны быть разоблачены и изгнаны.

Союзу нужна особая бдительность именно в этом смысле. Нет надобности доказывать, что нужно опираться на честных, хотя бы и резких людей, а не на угодников, готовых первыми нанести удар своему же вчерашнему кумиру.

Очень кратко я хочу остановиться еще на двух-трех ошибках союза.

Первое — это чрезмерное раздувание иных, еще не сложившихся и сырых писателей. Это губительно для них и, кроме того, ставит под сомнение хороший вкус людей, считающих себя вправе раздавать аттестаты в литературе. Без хорошего вкуса немыслимо совершенствование социалистического общества.

Второе — руководство союза еще недостаточно хорошо знает писателей. Изредка союз сообщает о появлении новых талантов, но при этом валят в кучу всех, вплоть до беспомощных ремесленников, и неожиданно причисляют к лику молодых — шестидесятилетних старцев.

Третье — в союзе все еще существует практика отрыва писателей от их непосредственной работы во имя всяческих незначительных союзных дел.

Вот, вкратце, главное. Я уверен, что в ближайшее же время союз писателей после испытания жестокой критикой превратится в то прекрасное содружество, о котором мечтают все, призванные создавать советскую литературу. Он будет союзом подлинной дружбы, работы, мужества, искренности и тем самым — величайшей моральной силы.

С. ВАШЕНЦЕВ

Хорошие книги — мерило оценок писателя

Союз писателей надо перестраивать. Многим это было ясно и раньше. Но особенно это стало ясно сейчас. Гениальная сталинская Конституция помогла глубже вглядеться в жизнь, непримиримее отнестись к явлениям разгильдяйства, косности, рутины, бюрократизма, еще кое-где раз'едающим наш здоровый организм.

Правление ССП далеко стояло от массы писателей. Это основной порок. Опираясь на небольшую группу писателей, правление ССП было как бы замкнуто в самом себе. Писатели, не входящие в орбиту его внимания, питались слухами, пересказами того, что делается в союзе писателей, слухами и пересказами иногда обывательскими. Писатели не чувствовали себя хозяевами в ССП. Дом № 52 на улице Воровского не был местом, куда бы очень тянуло писателя, где бы он хорошо и тепло себя чувствовал.

Так тихо шла жизнь. Правление союза раздавало квартиры, дачи (принципы этой раздачи часто были случайными и не деловыми), устраивало встречи, банкеты, но литературной погоды эта сторона деятельности ССП не делала. А в жизни ССП этого рода деятельность занимала большое место часто в ущерб творческой работе. Правление союза не возглавило движения за новые, более высокие качественно произведения, за новые требования к литературе, пред'являемые нашей партией и культурно возросшим читателем. Замкнувшись в кругу интересов небольшой группы писателей, правление союза писателей просмотрело, или, вернее, не досмотрело процессов, совершающихся в литературе, не приглядело писателей, которые за это время выдвинулись своей работой.

Такие писатели, как Н. Вирта, Юр. Яновский, Ю. Герман, Вас. Гроссман, В. Курочкин, конечно, на много голов выше некоторых незаслуженно «маститых» писателей, пользующихся вниманием правления ССП.

С другой стороны, пора уже пред'явить более серьезные требования к таким писателям, как Вс. Иванов, В. Киршон, А. Безыменский. Это нужно сделать и для их собственной пользы.

В дальнейшем с отставанием правления ССП от требований современности надо покончить. Многое можно исправить сейчас же.

Первое. Союз должен окружить себя творческим массивом жизнерадостных, деятельных, активно работающих писателей, и меньше заниматься делами некоторых далеко не лучших писателей, которые сейчас теснятся вокруг правления. Им будет полезнее заработать хорошими книгами утерянный авторитет.

Этими критическими замечаниями я не хочу обвинить в плохой работе руководство ССП в целом. В руководстве немало людей, имеющих большой авторитет среди писателей, зарекомендовавших себя и своей литературной и общественной работой (Вс. Вишневский, В. Ставский, П. Павленко, А. Сурков, А. Фадеев). Они должны возглавить движение за новые качественные требования, пред'являемые к литературе, за новые формы работы с писателями.

Второе. У союза писателей есть отряды, которые он сейчас же должен ближе связать с собой. Это передовые литературные журналы с их активом. Правление ССП внешне как будто ориентировалось на журналы. Но только внешне. Органической связи не было. А ведь хорошие журналы — это производственные центры литературы, подлинные организаторы писательской работы. В журналах, правильно поставивших работу с писателями, правление союза должно вербовать свой актив. Работу журналов проверяет масса читателей. Поэтому отряды писателей, которые ведут журналы, являются в некоторой степени отборными отрядами, проверенными практической работой. Журнал естественно не будет держать в своем активе писателей, которые не работают, не приносят пользы, тогда как в союзе это частенько бывает. Плотнее сработаться с руководителями и с активом передовых журналов — вот вторая важная задача правления союза писателей.

Третье. Я предвижу, что кое-кто из писателей, заслуженно забытых и руководством союза писателей и общественностью, попытается использовать момент и своей огульной краснобайской критикой правления союза писателей попробует поправить свою подмоченную репутацию. Это надо предвидеть. Такие писатели, конечно, не встретят одобрения, какие бы «истины» они ни открывали. Их позволительно спросить: а где ваши хорошие книги?

Этот вопрос должен об'единить всех, он должен быть двигателем. Он, единственно он, должен правильно разрешать литературные дела.

Писателей с хорошими книгами руководство нашего союза и должно включить **в свои первые ряды.**

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

«Молодые»

О писателе можно судить, как о каждом человеке, только по его работе, по его творчеству. Об этом часто забывает руководство союза писателей, рассматривая людей «по группам», не зная творческих и личных особенностей каждого.

Есть ряд поэтов, к фамилиям которых всегда приставляют эпитет «молодой». Так и говорят обычно: «у нас есть молодые», «успехов достигли и наши молодые», «от молодых выступит такой-то».

Совершенно различных людей всегда соединяют. Их не забывают в союзе, не затирают, не зажимают, но они всегда — «представители». Их творчество — дело второстепенное, главное, — чтоб были «представители». И критерий для них особый. Нехорошо это.

Пользуясь тем, что в толпе легче пройти, пролезали в среду «молодых» антисоветские молодчики, вроде Шевцова. Эпитет «молодой» был для него прикрытием. И сейчас есть отдельные «молодые» — носители отвратительных черт богемы.

Вместо того, чтобы бороться с ними, воспитывать каждого человека в отдельности, говорят: «молодые набедокурили, забор какой-то сломали. Неблагополучно у нас с молодыми».

Надо вспомнить, как употреблял термин «молодой писатель» Горький, надо стереть черту, разделяющую «старых» и «молодых», и судить о людях конкретно, чутко и бдительно относясь к каждому.

Союз писателей из учреждения должен превратиться в союз творческий, где будет минимум бумаг со штампами и печатями и максимум рукописей, вокруг которых пойдет обсуждение, споры, горячая и принципиальная борьба.

Многие из нас порой испытывают чувство оторванности от товарищей. Я думаю, что это об'ясняется особенностями нашей профессии — «перышком скрипел я, в комнатенку всажен» (Маяковский), но и эту оторванность можно и нужно разбить.

Хочется чувствовать дружескую руку руководства союза, руку товарищей. Мы привыкли к этому в нашей жизни.

На стройке метро я встречал одного начальника шахты.

Ночью идешь среди балок, лебедок, куч песка. Начальник стоит где-нибудь у ствола, где выгружают породу, освещенный прожектором.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Дежурю. Иду сейчас в туннель.

— Ну, спасибо тебе! — говорит он.

Человек, которого ты уважаешь, сказал тебе «спасибо», и вся ночь проходит как-то легко. Он умел и ругать нас, но мы знали, что он как-нибудь в пять часов утра скажет спасибо, и станет хорошо на душе.

Руководители нашей страны всегда найдут доброе слово для человека, которому оно как раз в это время нужно.

Союз должен по-настоящему сплотить людей, бороться за новые, социалистические отношения.

Критика у нас зачастую такая, что слушаешь, слушаешь, и кажется, что критик хочет зла писателю, а не хочет, чтобы человек писал лучше, ярче, сильнее. Мы не научились доброжелательно относиться друг к другу, радоваться творческим удачам, досадовать на провалы.

Поэтическая секция ССП — это пока одно из названий. Не найдена форма работы, нет настоящей спаянности людей.

Мне кажется, пора подумать о журнале «Советская поэзия» — органе союза писателей, который бы ставил вопросы поэзии во весь голос.

Вопросов, волнующих нас, много. И о политической поэзии, и о песне, и об эпохе, и о классическом наследстве, и о народном творчестве, и о проблемах мастерства, и о переводах можно и нужно говорить.

Поэтическая критика стоит на очень низком уровне. Нет людей, которые любовно следили бы за всем, что происходит в поэзии, высказывались бы не только о рифмах, но и по принципиальным вопросам. В развитие статьи «Правды» о политической поэзии появилось всего две-три небольших статьи. А тема затронута большая, ее необходимо глубоко разработать! Журнал «Советская поэзия» мог бы глубоко разрабатывать вопросы поэзии.

Журналу обеспечено внимание читателя. Недавно вышел номер «Огонька», целиком посвященный творчеству поэтов-орденоносцев. Этот номер сразу расхватали, многие читатели хранят его как маленькую антологию.

На вечера поэзии приходит много народу, посылаемые обычно поэтам записки говорят о большой заинтересованности читателя во всех вопросах поэзии. Поэтические отделы журналов не могут удовлетворить читателя, нужен специальный журнал.

Для нас, поэтов, такой журнал сыграл бы об'единяющую роль, придал бы нашим спорам большую остроту и откровенность, немало помог бы двинуть дело поэзии вперед. Конечно, он не обособит, а лишь приблизит нашу поэзию к читателю.

ГЕННАДИЙ ФИШ

О творческом соревновании как основе союза

Партийная установка о том, что с каждым членом организации надо работать индивидуально, особенно важна в нашей писательской организации. Между тем именно здесь дело обстоит у нас очень плохо.

С 1932 года я написал пять книг: «Падение Кимас-озера», «Мы вернемся, Суоми», «Третий поезд», «Ялгуба». (Сейчас выйдет новый роман «Клятва»). Все они в разной мере хорошо приняты массовым читателем, несмотря на существенные недостатки в каждой.

«Падение Кимас-озера» было напечатано в июле 1932 г. До марта 1933 г., т. е. в течение девяти месяцев после появления этой вещи, несмотря на горячий отклик читателей, ни одной рецензии на нее не было. Но когда узнали, что М. Горький хвалит мою книгу, начали меня рецензенты в своих рецензиях изредка снисходительно похлопывать по плечу.

И вот за время написания этих пяти книг ни разу я не чувствовал, что союз писателей мне в чем-то помог. Ни в чем, нигде, ни по какому случаю — в процессе ли создания или продвижения книг, в процессе ли обсуждения моих книг — союз советских писателей мне ничем не помог, а, может быть, даже немного мешал, потому что, если бы я хотя бы не посещал очень многих лишних собраний, а посещал вместо этого больше собраний красноармейцев или рабочих, то от этого работа моя могла бы выиграть.

Об этом я считаю нужным сказать, потому что такие явления у нас не случайны и не единичны.

Мне союз не помогал, но я иногда думал, что работает, по крайней мере, правление, что правление — это и есть союз.

Сто человек — это все-таки не мало.

Но теперь выяснилось, что по сути дела правление занималось лишь ограниченным кругом людей, той «обоймой», которая правильно отражала наличие живых сил, какое было в литературе лет десять назад.

С тех пор произошли колоссальные перемены, но правление союза не привыкло думать о новых людях, не привыкло работать с литературой и литераторами. Все еще идет речь об «обойме», в то время как отдельные патроны в ней стали холостыми, а наша живая литература создала уже большую «пулеметную ленту». Но неправильно и даже вредно противопоставлять людей «обоймы» пришедшим в литературу свежим силам. Отвлеченные споры должны решаться в творческом соревновании — книгами, решаться массовым читателем, и тогда будут побеждать такие произведения, созданные на материале реальной жизни творческой страстью писателя, как «Педагогическая поэма», «Как закалялась сталь», «Цусима», «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «На Востоке», «Поднятая целина».

То, что должно произойти сейчас в союзе советских писателей, это, по сути дела, отражение тех колоссальных сдвигов, которые происходят в стране, и к этому нельзя подходить лишь формально.

Сейчас в правлении перегружен работой один секретарь, и с прохладцей работает при нем аппарат. Но это типичное положение учрежденческой, а не коллективной работы правления живой добровольной организации.

До сих пор правление было так составлено, что у членов правления не было чувства ответственности за свою работу.

Однако, с другой стороны, и у членов союза советских писателей не было ответственности за союз.

У «рядового» писателя было сознание, что он не имеет возможности влиять на работу союза, и это не могло не рождать пассивности, и не было чувства ответственности за союз у «рядовых» членов союза.

Теперь, в связи с новым положением в нашей организации, как и во всех организациях Советского Союза, каждый из нас не только должен отвечать за наш ССП, но может и влиять на развитие дел, и поэтому безусловно всем необходимо теперь принять участие не только в выборах и не только в обсуждении кандидатур, но и во всей повседневной работе союза советских писателей.

Мы должны добиться того, чтобы союз, как всякая советская организация, развивался на основе социалистического соревнования.

Считаю необходимым сказать несколько слов и о работе «Литературной газеты».

Надо жалить и надо бить, поощрять и об'яснять, исходя из интересов советского читателя, исходя из интересов движения всей советской литературы, а не отдельных литераторов.

Но все это можно делать последовательно лишь в том случае, если есть четкая, принципиальная линия. Этой линией должна быть большевистская, боевая партийность. Нельзя допускать, чтобы борьба с формализмом, борьба за народную литературу, за партийность литературы превращалась лишь в очередные кампании. Нельзя было предоставлять страницы газеты, не дискуссируя, вредной, дезориентирующей теории о книгах, «интересных лишь по материалу» *, дискредитирующей, например, «Цусиму», нельзя было печатать письмо Сац, это — опошление самокритики.

Если союз плохо работает, то здесь большая вина и «Литературной газеты». Она является органом союза, но не должна быть простым зеркалом, повторяющим в своей работе ошибки союза. Если союз плохо работает, то настоящая партийная литературная газета должна последовательно бороться за то, чтобы он хорошо работал, а этого не было.

Когда развертывается самокритика, то может быть очень резкая самокритика. Но несмотря на резкость, критика по отношению к людям, которые делают советскую литературу, должна быть товарищеской, заинтересованной в том, чтобы товарищ работал лучше, а не в том, чтобы только его похлеще ударить, а наш союз должен быть штабом, организующим и помогающим творческому соревнованию писателей.

* См. статью Л. Левина «Это произведение интересно по материалу», напечатанную в порядке обсуждения в «Л. Г.» от 15 мая 1935 г. **(Прим. ред.).**

А. КУШНИРОВ

Писатель и его организация

Писатели при организации союза возлагали на него большие надежды. Вспоминается последнее заседание с'езда писателей. Замечательное заключительное слово Горького, говорящего о великих потенциальных возможностях многонациональной советской литературы.

Мы, еврейские писатели, тоже унесли с этого собрания чувство большой радости. Незадолго до этого была напечатана статья предателя Радека, осмелившегося презрительно назвать еврейский язык «языком лохмотьев». Язык, на котором написаны великие произведения Шолом-Алейхема, Переца, Менделе Мойхер Сфорим!

И вот выступает Горький и в своем заключительном слове говорит глубокие лирические слова о Шолом-Алейхеме. Понятно то чувство, с каким мы ушли с этого заключительного заседания с'езда и на следующий день после с'езда приступили к работе.

Но через некоторое время нам преподнесли в виде сюрприза назначенное бюро еврейской секции. Мы не возражали против того или иного товарища, назначенного в бюро, но канцелярский, бюрократический метод создания этого руководства сделал его мертворожденным с самого начала. В сущности, между еврейскими писателями и союзом выросло средостение.

Союз мирился с этим так же охотно, как и о тем фактом, что не было связи между тремя секциями еврейской литературы: одна секция возникла в Белоруссии, другая на Украине и третья, самая беспризорная, в Москве.

Надо ли сказать, как снижает такая обстановка, такие условия работы резонанс еврейской литературы в СССР — самого жизнеспособного, самого ценного отряда в еврейской литературе всего мира?

Нужно коренным образом перестроить работу ССП. Я считаю вредными всякие ликвидаторские «разговорчики» и настроения в отношении союза. Я глубоко убежден, что можно добиться такого положения, чтобы буквально каждый член союза чувствовал себя крепко связанным с ним, чтобы дело каждого, я подчеркиваю каждого, писателя стало кровным делом союза. Таким образом будет полностью воплощено в жизнь мудрое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.

КИРИЛЛ ЛЕВИН

ССП должен стать подлинной творческой организацией

Почему оказалось так, что многие и многие писатели, упорно работающие, имеющие большие и прочные связи с читателями, совершенно не связаны со своим союзом, более того — оторваны от него?

Такое положение могло создаться только потому, что ССП занялся, главным образом, материально-бытовыми вопросами и знал лишь о творчестве немногих писателей, в большинстве — членов своего правления и одиночек из так называемых «середняков» и молодых писателей.

Основная же масса писателей, попросту говоря, выпала из внимания правления, и творческая ее жизнь шла какими угодно путями, только не теми, что пролегали через территорию союза.

Союз редко открывал новых писателей. Открывал их Алексей Максимович, открывал их журнал «Знамя» (к слову сказать, единственный, кажется, журнал, об'единивший вокруг себя подлинный творческий коллектив), открывали иногда литературные консультации. Союз же с канцелярским равнодушием регистрировал своих членов, хотя многих из них совершенно не знал, выдавал им членские книжечки и на этом успокаивался.

На последнем секретариате ССП очень показательные доклады о собрании ленинградских писателей сделали тт. Н. Тихонов и Н. Свирин. Они признали, что на этом собрании, **первом за 33 месяца,** работа правления подверглась совершенно уничтожающей критике. Писатели говорили, что авторитет Ленсоюза в основном среди писателей подорван.

«Вы понимаете, какое положение у писателя, который приходит в союз, а аппарат его отбрасывает» — говорил Тихонов.

«Правление по существу совершенно не знало, над чем работают писатели. На этот пункт собрание обратило весьма и весьма серьезное внимание», — докладывал Свирин.

Все это верно и для Москвы. Надо же, наконец, открыто признать, что у нас писатели в большой мере изолированы друг от друга и от своего правления. Надо, наконец, сказать вслух то, о чем все писатели знают,— что правление опирается не на основную массу членов союза, а на головку, состоящую из нескольких десятков человек.

На пленумах правление охотно кается в своих ошибках, но дело от этого не меняется. Ведь наш союз — творческая организация, а опросите большинство его членов, сколько из них прошли творческий смотр союза, кого из них вызывало правление, чтобы ознакомиться с творческой работой писателя, с его планами, с трудностями, которые стоят на его пути? На линейном корабле военком знает в лицо весь свой личный состав, а скольких членов союза, хотя бы из живущих в Москве, знает руководящий состав правления? Правление хорошо знает, что не работают Бабель и Олеша, но оно не знает, над чем работают сотни членов союза.

Ясно, что такое положение не может быть больше терпимо. Кажется, никто уже из членов союза не может отрицать, что работа союза должна быть радикально перестроена. Никто из нас, да и вся наша страна, не заинтересованы в том, чтобы протащить в литературу плохого писателя. Наоборот, мы считаем, что их надо из'ять из литературы, и перестройка союза поможет правильной оценке каждого творческого работника, независимо от его былых «заслуг» и от занимаемого им положения.

У нас назрело много важных вопросов, и мы должны обсудить их с возможной широтой, поднять их обсуждение на принципиальную высоту. Союз должен стать демократической творческой организацией.

Надо изжить писательскую обособленность, создать между писателями подлинное творческое общение. Должно быть выявлено творческое лицо каждого члена союза. Необходимо выяснить отношение читателя, массового читателя к нашим книгам. Осуществлению этого помогут читательские конференции, читательские письма, опросы библиотекарей.

После введения сталинской Конституции, после исторических решений февральского пленума ЦК ВКП(б) нельзя союзу советских писателей быть отсталой организацией, которая не знает работы, нужд и творческого лица большинства своих членов. Всем нам ясно, что работу союза надо перестроить, и чем скорее, тем лучше.

Нам нужен такой союз писателей, который занял бы свое боевое почетное место в рядах строителей и защитников нашей чудесной родины. За такую перестройку союза мы будем бороться.

ЛЕВ КАССИЛЬ

«Пятая секция»

Жилой дом писателей в Лаврушинском переулке в планах, на чертежах и проектах имеет пять секций. Между тем в Лаврушинском переулке в доме, что напротив Третьяковской галлереи, секций выстроено всего четыре... Пятая так и осталась на бумаге, на ватмане, на кальке. Она не выстроена, да и не слышно пока, чтобы ее когда-нибудь воздвигли. Человек, привыкший к симметрии, любящий законченность, готов дополнить воображением своим недостающую секцию. Писатели, имевшие несчастье рассчитывать на квартиру в этой пятой секции, тоже живут в воображаемых квартирах, на воображаемых этажах, нереальных и мало утешительных.

Печально быть жильцом пятой секции...

Есть большая группа писателей, которая и в своем союзе жительствует в некоей «пятой секции» — только там им отвело жилплощадь правление ССП. На бумаге и в протоколах все выглядит красиво, законченно, стройно и благополучно. Композиция сохранена, соотношения выдержаны. Но в действительности, в деловой, повседневной работе товарищи из «пятой секции» окружены лишь фиктивным вниманием, лишь мнимыми заботами...

Допускаю, что кто-то из этих писателей пользовался услугами Литфонда, и ездил в дома отдыха ССП, и аккуратно получает приглашения на все вечера в Доме писателя. Но ведь все это лишь самое легкое, это лишь отправление — самое простейшее — элементарно налаженного канцелярского аппарата. Не трудно послать повестку, напоминание или пригласительный билет. Значительно сложнее наладить с писателями тесную творческую, товарищескую связь, знать не только почтовые адреса членов союза, но и быть осведомленными в рабочих планах, замыслах писателя, выяснить, что мешает ему развивать свое дарование, помочь устранить помехи и трудности.

Многие ли ощутили эту желанную помощь, внимание руководства, заинтересованность его?

Очень немногие. Большинство остается жильцами «пятой секции».

Странно распределяются в союзе писателей между его членами заботы, внимание и блага. Кто может рассчитывать на это? Это или яркое, неожиданно вспыхнувшее, поразившее самим фактом своего появления, пришедшее в союз извне дарование (их, к сожалению, совсем мало, два-три), или это фигуры, очень маститые и чуточку одиозные, все еще подающие надежды в области перестройки... Вокруг этих последних правление неутомимо хлопочет, стараясь обставить их как можно уютнее и комфортабельнее как в творческом, так и в простецко-житейском понимании этих слов. Эти нежные ухаживания должны доказать медленно перестраивающимся тугодумам, что социализм для них очень приятен, его надо любить и не писать реакционной бредомути.

Ну, а как же быть с писателями, которых не надо уговаривать, которых незачем охаживать, с писателями, которые не мыслят себя вне нашей советской социалистической практики, с писателями, к которым уже привыкли в союзе писателей? Они росли постепенно, мало кого поразили первым своим появлением в печати, не совершили внезапного прыжка в славу из мрака неизвестности, но они работали, учились, росли. Читатель знает их, любит, уважает. Читатель забрасывает их письмами, требованиями. Однако правление союза не считает их об'ектом своей работы. Они уже как-то примелькались. И критика тоже редко когда напишет о них. Невыгодно. Не на виду.

Правда, некоторые из этих писателей давно что-то не давали новых книг. Но интересуется ли правление союза причиной этой задержки, иногда становящейся очень тяжелой, почти трагической заминкой на творческом пути писателя? Читатель интересуется. Люди, которым вовсе не положено ведать судьбами писателей, звонят, пишут, спрашивают, беспокоятся. А руководство союза иногда просто забывает о том, что живет-де такой писатель, выпускал раньше хорошие книги, был известен и вдруг замолчал, сошел на-нет. А почему? Что ему мешает? Как ему помочь? Создана ли такая обстановка, что писатель, тяжело переживающий свои неудачи или временную остановку в росте, может сам притти в правление и поговорить по душам с руководителями? Нет, честно говоря, большинству весьма не весело, и тяжко даже представить себя идущим по унылым коридорам дома на улице Воровского. И не легко заставить себя пойти туда. Ибо не знаешь, как тебя там встретят, найдут ли время поговорить с тобой...

Что говорить, очень радостны и приятны удачи! И естественно, что каждая большая удача писателя — праздник для всего союза. Естественно также, что когда эта удача достигается не слишком частым в нашей практике творческим содружеством автора с руководством союза, то союз и его правление разделяют гордость и славу писателя. Но за неудачу писателей, за провалы авторов, не нашедших во-время нужной поддержки, разве не должно отвечать также руководство союза?

Случается, что и внимание и блага щедро уделяются в союзе людям, уже давно свободным от всякого творчества, но зато использующим свое время на ежедневные хождения в союз... Дел у таких мало, а времени сколько угодно. Они часами просиживают в секретариате. Они со всеми дружны и знакомы. Народ это фамильярный и напористый. И в конце концов надо быть камнем, чтобы не порадеть такому человечку...

Молодой талантливый писатель на-днях жаловался мне:

— Ну, как я пойду за советом и помощью в правление. У Ставского, вероятно, времени не найдется. Лахути меня просто не знает. А Фадееву еще, чего доброго, будет скучно и слишком мелко разговаривать со мной... Сказал же он об этом с трибуны пленума правления по адресу некоторых поэтов.

В таком положении находится самый глухой угол «пятой секции», ее «подсекция» детской литературы. Литература для ребят — вещь трудная и мало эффектная. И заглядывает сюда правление весьма редко. А ведь и тут есть кое-какие новости, есть хорошие новые имена. Появление Михалкова, например, его рост, успех у ребячьего читателя — это явление не менее радостное и важное, чем нарождение какого-нибудь большого нового имени в литературе для взрослых. А оказало ли правление какую-нибудь творческую — да и бытовую — помощь этому молодому и столь обещающему поэту?

И оттого, что руководство слабо знает многих писателей, так легко распространяются в союзе сплетни, вздорные слухи о людях. Человек, сам не зная причину, начинает замечать, что его чураются в редакциях, что его произведения откладываются из номера в номер. Но никто не поговорит с ним по душам, не растолкует толком, не поможет ему опровергнуть оговор.

Неприглядно и неуютно в «пятой секции». И вот так создается чувство равнодушия к успехам и неудачам товарища. Как хотелось бы, чтобы у членов союза писателей, начиная от правления и кончая только-что зачисленными в кандидаты, было чувство общей заинтересованности к успеху каждого и в удаче всего целого. Ведь есть же это чувство у работников газеты — драгоценное и святое чувство коллектива, которое при всем разнообразии дарований, обязанностей, характеров, вкусов отдельных членов дает возможность всем радоваться общей удаче и удаче каждого.

Писатели об'единяются у нас случайно. За исключением разве журнала «Знамя», сумевшего создать свой крепкий, единой принципиальной линии коллектив, вокруг большинства других журналов писатели группируются в зависимости от того, где приняты к печати их рукописи.

Демократизация всей политической работы в нашей стране, замечательные резолюции последнего пленума Центрального Комитета ВКП(б) и только что опубликованная речь товарища Сталина должны крепко перетряхнуть, до основания перестроить работу нашего союза писателей. Бюрократизм, ненавистный и об'явленный у нас вне закона, бюрократизм, нетерпимый в любой области нашего строительства и хозяйства, еще более недопустим и омерзителен в таком деле, как искусство, литература, руководство ею.

Страна наша — большая, умная, отзывчивая, читающая, читатель наш советский, с его здоровым, верным и выросшим вкусом, давно уже проводят свое «закрытое» и в то же время самое открытое, но часто невидимое критиками, голосование в выборе любимых авторов.

ОТ ПРАВЛЕНИЯ ССП СССР

2 апреля в 5 часов вечера созывается общемосковское собрание писателей.

Порядок дня: об итогах Пленума ЦК ВКП(б) и о работе союза советских писателей — доклад тов. **Ставского.**

Собрание состоится в помещении Политехнического музея (Китайский пр., д. 3/4, под'езд 9).

Члены и кандидаты ССП проходят по своим членским билетам. Корреспонденты и гости — по специальным билетам.

ПРАВЛЕНИЕ ССП СССР.

Литературный календарь

1912 год. Умер Габриэл Сундукян

30 марта исполняется 25 лет со дня смерти выдающегося армянского драматурга Габриэла Сундукяна, родившегося в Тбилиси в 1825 году.

Сын состоятельных родителей, Сундукян получил прекрасное для своего времени образование: в раннем детстве в течение шести лет он учился в лучшем тбилисском закрытом пансионе Акоба Шахан-Джрпеда, где кроме родного армянского языка изучал латынь, итальянский и французский языки. Затем Сундукян поступает в тбилисскую классическую гимназию, по окончании которой продолжает образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета и кончает его в 1850 году со званием кандидата восточных языков. В 1850 году Сундукян возвращается в Тбилиси.

Самый зрелый период творчества Сундукяна относится к 1863—1873 гг. В этот период Сундукян создает лучшие свои вещи: неувядаемые комедии «Хатабала», «Пэпо», «Разоренный очаг» и др., не сходящие до сих пор с армянской и грузинской сцен, а за последнее время и с тюркской сцены. По общему признанию армянской критики, «Пэпо» является кульминационной точкой армянской драматургии.

С сегодняшнего дня в Армении начинаются юбилейные дни. 25-летие со дня смерти крупнейшего армянского классика-драматурга Габриэла Сундукяна широко отмечается армянским народом.

1862 год. Вышли «Пословицы русского народа» Даля

В конце марта (по ст. ст.) 1862 года в первой книге «Чтений в императорском обществе истории и древностей российских» закончилось печатание «Пословиц русского народа», собранных В. И. Далем.

Собранные Далем пословицы, так же как и его «Словарь великорусского языка», до сих пор представляют собою ценнейшие литературные памятники, в которых собраны огромные богатства русского языка. Достаточно сказать, что Даль собрал 37 тысяч пословиц.

Сборник мог бы быть напечатан на девять лет раньше (в 1853 году), когда он был закончен и сдан в Академию наук. Но все дело погубил рецензент Академии — академик протоиерей Кочетов. Ученый протоиерей решительно забраковал труд Даля. Ссылаясь на такие пословицы, как «Середа да пятница хозяину в доме не указчица», или поговорки вроде «У него руки длинны», академик-протоиерей пришел к выводу, что сборник посягает на разрушение нравов.

Ознакомившись с этим отзывом, Даль решил пословицы не печатать.

— Не знаю, — писал он в Академию, — в какой мере Сборник мой мог бы быть вреден или опасен для других, но убеждаюсь, что он мог сделаться небезопасным для меня».

Только через восемь лет, в 1861 г., уступая настояниям друзей, Даль решился, наконец, опубликовать свой замечательный труд.

УРОКИ ЛЕНИНГРАДА

На заседании секретариата ССП

Заседание секретариата ССП с членами президиума и правления союза явилось по существу первой попыткой обобщения опыта недавнего собрания ленинградских писателей. В отчетных выступлениях Н. Тихонова, В. Ставского, Вс. Вишневского и Н. Свирина, в речах А. Фадеева, В. Каверина, А. Суркова, Е. Бэзули, С. Ивантера и др. была со всей отчетливостью выражена мысль, что литературная действительность Ленинграда не является исключением из правила, что многие ее недостатки и болезни весьма типичны для всей организации и в частности для московской писательской среды.

Что обусловило в Ленинграде невероятную разобщенность писателей? Что облегчило врагам типа Горелова, Майзеля, Мустангова и др. возможность долгое время безнаказанно подвизаться в литературной среде, даже пробираться на командные вышки, овладевать редакциями журналов, заниматься уловлением душ молодых писателей и т. д.?

На это докладчики отвечают единодушно:

Благодушие и политическая слепота, бюрократическая окостенелость руководства Ленинградского союза, полный его отрыв от масс, абсолютное забвение творческих интересов.

Очень многие писатели мучительно переживали это ненормальное явление, но не находили в себе достаточных сил, чтобы со всей резкостью выступить против него. Не было прямоты и мужества и во взаимоотношениях со своими товарищами: делали друг другу скидки по непонятным соображениям, если же приходилось выступать с критическими замечаниями, то сопровождали их всяческими реверансами и оговорочками, нередко же из чрезмерной «деликатности» вводили своих друзей в заблуждение сознательно неверными оценками.

На последнем собрании ленинградских писателей был нанесен чувствительный удар по бюрократическому укладу, насаждавшемуся в союзе в течение многих лет, по семейственности в литературной среде, по всякого рода молчальникам. Люди впервые заговорили полным голосом, стали выкладывать всю правду, без недомолвок, ставить, как говорится, все точки над «и». Именно это обусловило исключительную плодотворность совещания, создало атмосферу, наполнившую всех верой в скорое оздоровление всей работы организации, в создание товарищеских, подлинно творческих отношений между писателями.

На заседании секретариата было указано на необходимость скорейшего учета уроков Ленинграда и в Москве, где находится наиболее многочисленный и влиятельный отряд литературы. Пора и здесь развязать самокритику, большевистски суровую и принципиальную. Вещи должны быть названы своими именами. Это в одинаковой мере относится и к руководству союза и ко всей писательской массе. Нужно добиться — и сейчас это возможнее, чем когда-либо — такого положения, чтобы отношение к руководству определялось только качеством его работы, а отношение к писателю — только качеством его книг, и чтобы в обоих случаях не мешали никакие посторонние соображения — ни давних заслуг, ни принадлежности к так называемой «обойме» и т. п.

Особенно серьезной и неотложной является задача выдвижения молодых кадров. Тов. Ставский отмечает одно любопытное обстоятельство: всюду, где в узких литературных организациях оказывались враги народа, молодежь оттиралась на задний план, ей под разными, иногда на внешний взгляд весьма благовидными предлогами не давали никакого хода. И это иногда приводило к тем именно результатам, к которым негодяи стремились: они, во-первых, задерживали рост литературы и, во-вторых, толкали наименее устойчивую молодежь, поддавшуюся чувству уныния, охваченную разочарованием, в болото богемы. На это нужно обратить серьезнейшее внимание. Необходимо проявлять больше смелости и инициативы, настойчивости в выявлении талантливых кадров, в воспитании их, в обеспечении им того места в литературе, которое они по праву могут занять.

Несомненно, большая роль в этом деле принадлежит критике. Мы не можем согласиться с той резкой квалификацией, которую т. Вс. Вишневский дал на заседании секретариата всей советской критике в целом, но нельзя, конечно, уйти от того факта, что зачастую критики проходят мимо очень существенных явлений в литературе. Может быть дело обстояло бы иначе, если бы как можно скорее осуществилось пожелание, высказанное т. В. Кавериным о том, чтобы и сами писатели смелее включались в критическую работу. Опыт прошлого советской литературы показал, что это всегда давало очень положительные результаты.

Отмечая здесь преувеличения, допущенные т. Вишневским в оценке критики, мы не можем пройти и мимо его неоправданного и необоснованного выпада против «Литературной газеты». Это самое легкое дело — обрушить на газету свой ораторский темперамент, не подтвердив своих обвинений конкретными фактами. Заявления т. Вишневского тем более странны и удивительны, что сделаны они были в отчете о собрании, на котором и основной докладчик т. Тихонов и ряд других писателей отметили положительную роль «Литературной газеты» в разоблачении бывшего руководства ленинградской организации ССП.

Пэрл Бак

■ ■ ■

У. КАРМОН

Беседа с Пэрл Бак

— Фашизм — это капитализм в новом обличьи. А путь капитализма — неверный путь. Я верю в коммунизм, в его основы.

— Я — враг империализма, — заявила писательница. — Я не могу примириться с японским вторжением в Китай.

— Нанкинское правительство вряд ли имеет в виду благосостояние китайского народа. Его вожди — это настоящие люди Запада, с западным образом мыслей, воспитанные западными университетами.

— Красный Китай? Его я знаю недостаточно, — продолжала она. — Хотя я и семья моя жили в течение ряда лет у границ советского Китая, но я очень мало наблюдала, чтобы говорить об этом. Знаю одно, — что я ненавижу войну. Большую часть моей жизни я провела в самом центре войны и стала ее врагом...

Я задал вопрос: действительно ли нужны и полезны китайскому народу христианская церковь и огромное количество протестантских ее ответвлений.

— Совершенно не нужны, — ответила с живостью П. Бак. И прибавила: — Я не верю ни в какую религию. Я не верю в мистицизм, несмотря на то, что мой отец — «духовный империалист», миссионер — проповедывал в Китае христианство в течение нескольких десятилетий.

— Китайская литература? Наиболее мужественные и сильные ее явления приходят слева. — Пэрл Бак заговорила о бесчеловечном обращении с китайскими левыми писателями со стороны Нанкинского правительства, об убийстве Тинг-Линг.

Мы перешли к вопросу о Советском Союзе.

— Вы можете сказать,—произнесла она с откровенностью, — что мое отношение к Советскому Союзу — это отношение чрезвычайно заинтересованного человека, без всяких предвзятостей. Я восхищаюсь международной политикой Советов, их стремлением к миру. Я считаю разрешение национального вопроса в СССР прекрасным.

Пэрл Бак последовательна в своих взглядах. Я вспомнил ее многочисленные статьи и неоднократные заявления в защиту американских негров.

Пэрл Бак задает мне вопрос о возможностях полного выявления личности в Советском Союзе, особенно писателей, людей искусства.

Я сказал ей, что писатели Советского Союза свободны в своем творчестве, что они создают книги для большинства народа. Я указал ей на выступление В. М. Молотова (появившееся как раз в этот день в американской печати), в котором говорится, что Алексей Толстой, бывший граф, стал теперь крупнейшим советским писателем.

Пэрл Бак очень нравятся произведения А. Толстого, так же как и М. Шолохова. «Тихий Дон» и «Поднятую целину» она недавно прочитала.

— Я читаю из советской литературы все, что могу найти в переводе, — сказала она. — Я бесконечно заинтересована в ней, потому что хочу увидеть перемены, которые внес в литературу переход от капитализма к советскому строю.

Пэрл Бак чрезвычайно рада, что ее произведения переведены на русский язык и так хорошо приняты советским читателем и критикой. Писательница говорит о своем желании посетить Советский Союз.

Горячо заинтересованная в судьбах американской литературы, Пэрл Бак заявила:

— Я убеждена, что в нашей стране писатель не может свободно выявить себя. Он связан коммерческими соображениями и рядом других обстоятельств. Это очень плохо. Трудно у нас быть честным писателем, — прибавила она.

Она считает, что популярные буржуазные журналы не способствуют созданию честной литературы.

— Возьмите для примера, — продолжает она, — писательницу —автора третьесортных романтических произведений для молодежи, вроде Кэтлин Норрис. Мне говорили, что любой ее роман, печатающийся сериями в одном из больших журналов, означает по существу добавочный тираж более чем в сто тысяч. Серьезный писатель у нас в стране не может рассчитывать на это.

В конце беседы мы снова вернулись к проблеме, концентрирующей вокруг себя общественное внимание: фашизм или коммунизм.

— Я ненавижу капитализм, — говорит Пэрл Бак.—Я не могу одобрить этой общественной системы, при которой народ голодает, окруженный изобилием, предназначенным для избранных.

Книга Героя Советского Союза М. Т. Слепнева

На-днях в Доме печати на вечере журналистов Герой Советского Союза Маврикий Трофимович Слепнев прочел написанную им книгу «Трагедия в проливе Лонга».

Мир уже успел забыть эту занесенную временем гибель двух американских летчиков у берегов Чукотки. Это произошло семь лет назад. Но вот летчик снова ведет нас в суровые и холодные просторы Севера, необыкновенно свежо и ярко повествуя о широких пространствах и больших переживаниях людей, показывая прекрасный, стихийный и трагический пейзаж Арктики.

— Книга Слепнева, — говорит в своем вступительном слове орденоносец Мих. Розенфельд, — это интересная и многогранная жизнь самого пилота. Он художественно рассказывает о своей жизни, и у него есть что рассказать.

Л.

К ПЛЕНУМУ ССП БАШКИРИИ

Пленум союза советских писателей Башкирии, на котором башкирские писатели заслушают отчет правления ССП Башкирии, собирается в сложных условиях.

Еще со времен минского пленума ССП, на котором стоял доклад о башкирской художественной литературе, у руководителей ССП Башкирии закружились головы от успехов; это сказалось, прежде всего, в том, что работу писательской общественности руководители подменили голым администрированием. Уже в течение года правление ССП Башкирии существует в отрыве от писателей: писателей не собирают, мнением писателей не интересуются, настоящей работы с писателями не ведут. На писательских собраниях не обсуждались даже важнейшие политические вопросы; не ставился на них и доклад о судебном процессе над врагами народа, троцкистскими шпионами и диверсантами. А ведь враги народа, контрреволюционные троцкисты и националисты были и среди писателей и литературных работников Башкирии.

Например до последнего времени в Уфе подвизался в качестве писателя контрреволюционер-троцкист Пригожин. Были серьезные политические ошибки в работах отдельных башкирских писателей.

Почему же все это не стало предметом широкого обсуждения в союзе советских писателей Башкирии?

Правление ССП Башкирии не привлекало внимания писателей и к творческим вопросам. Дискуссия о формализме, состоявшаяся больше года тому назад, является самым «свежим» событием в жизни башкирских писателей.

Формально в ССП Башкирии существует восемь секций, каждая из них имеет своего руководителя, но ни одна не проявляет активности.

При правлении ССП Башкирии существовал авторский кабинет по оказанию помощи молодым и начинающим авторам (ныне переданный в Башгосиздат). В течение года в кабинет поступило 317 рукописей. Заведующий авторским кабинетом, кандидат в члены ССП т. Валиев за год сумел дать всего лишь 156 письменных и 54 устных консультаций и ответов авторам.

Тов. Валиев в течение года не раз пытался поставить на правлении ССП отчет о своей работе и получить указания, но так и не добился того, чтобы его выслушали. Правление союза считало, что из поступавших в кабинет рукописей ни одна не заслуживает внимания. Руководители ССП Башкирии так и заявляют, что они читали ряд рукописей, поступивших в авторский кабинет, но ничего дельного не нашли.

Факты же говорят об обратном. Авторский кабинет выявил одиннадцать начинающих авторов, в том числе Карипова — автора пьесы «Дед Салим», которая вышла отдельным изданием.

Среди этих авторов оказался и молодой поэт Арсланов, стихотворения которого помещались в башкирских газетах. А сколько осталось незамеченными вследствие равнодушия руководителей ССП Башкирии?

В Башкирии был об'явлен конкурс на лучший детский рассказ. Многие писатели представили на конкурс свои произведения. В портфеле жюри образовался солидный материал (70 названий). Но прошел год, а жюри так и не собралось просмотреть рукописи и определить пригодность их к напечатанию. Понадобилось вмешательство обкома комсомола, чтобы правление ССП вспомнило о конкурсе.

До сих пор на башкирском языке не вышло ни одной работы о богатейшем народном творчестве Башкирии, несмотря на то, что существует научно-исследовательский институт языка и литературы, где собрано множество материалов устного творчества башкирского народа. Никому не пришло в голову выяснить причину задержки сдачи в печать материалов устного творчества.

Можно было бы привести еще ряд фактов, говорящих о том, что руководство ССП Башкирии не было на высоте, не организовывало писателей, не руководило ими.

Пленум союза советских писателей Башкирии, руководствуясь принципами большевистской критики и самокритики, должен внимательно обсудить деятельность своего правления и, вскрыв все недочеты его работы, по-большевистски мобилизовать писательскую общественность на то, чтобы к двадцатилетию Великой Пролетарской революции стоящие перед башкирской литературой задачи были выполнены с честью.

А. АРШАРУНИ

«Петр I» в кино

Сейчас работы над первой серией картины в студии Ленфильм подходят к концу. Параллельно со с'емками идет монтаж и озвучение картины.

В конце апреля первая серия будет закончена, а в мае картину предполагается показать на международной выставке в Париже.

С'емка второй серии будет закончена летом этого года.

Картину ставит заслуженный артист республики В. М. Петров. Операторы — В. Яковлев и В. Гарданов. Художник — Н. Суворов. Музыка композитора В. Щербачева.

Петра играет артист Государственного ленинградского театра им. Пушкина Н. К. Симонов, Алексея — Н. К. Черкасов, Меншикова — заслуженный артист республики М. Тарханов, Екатерину — заслуженная артистка А. Тарасова, Ефросинью — И. Зарубина, Фельку — В. Добровольский.

ЛЕНИНГРАД (от наш. корр.).

Беседа с А. Н. Толстым

Советской кинематографией создано немало прекрасных произведений на современные и историко-революционные темы. Но у нас нет сколько-нибудь серьезных картин об отдаленных временах истории русского народа.

Понятен тот интерес, с которым широкие круги советской общественности ждут появления на экране монументального исторического фильма «Петр I» — по сценарию А. Н. Толстого.

В беседе с нашим сотрудником писатель, перед от'ездом в Лондон, сообщил:

— Не скрою, что прежде я относился к работе писателя в кино скептически. Но сейчас работаю с таким увлечением, какого, пожалуй, не испытывал даже, когда писал для театра. Творческий под'ем нисколько не ослабевал по мере возрастания трудностей, подчас весьма значительных. Наоборот, чем больше возникало в процессе работы над фильмом препятствий, тем упорнее я стремился их преодолеть. Здесь я должен сказать, что многим обязан моему соавтору по сценарию и режиссеру картины, Владимиру Михайловичу Петрову.

Наиболее принципиальные и ожесточенные споры рождались вокруг самого образа Петра. Множество всевозможных штатных «теоретиков» от кино обрушили на нас самые разноречивые требования. Вихляющийся, истеричный Петр, которого нам навязывали, никак не совпадал с нашими замыслами. От нас требовали, чтобы мы показали конечную неудачу, провал всей преобразовательной деятельности Петра.

Эти требования сводили по существу на-нет наше стремление показать прогрессивное значение петровской эпохи для дальнейшего развития русской истории.

Развернувшаяся в советской печати дискуссия по поводу «Богатырей» совершенно четко определила задачи советских писателей-историков и навсегда выбила оружие из рук вульгаризаторов этой области науки и искусства.

Центральной идеей нашего фильма была и остается идея показа мощи великого русского народа, показа непреоборимости его созидательного духа.

Мы далеки от мысли возродить тривиальный хрестоматийный образ «венценосного плотника». Но мы не хотим в нашей картине умалять значение личности человека, возвысившегося над своей эпохой.

Кроме того мы хотим воздействовать на зрителя только при помощи художественных образов, не прибегая ни к каким раз'яснениям, не допуская никаких натяжек.

Весь наш творческий коллектив проникнут желанием добиться наибольшей выразительности и правдивости образов.

«Штурм, штурм!» Кадр из фильма «Петр I» по сценарию А. Толстого. (После атаки Меньшиковской конницы Петр посылает свою пехоту, чтобы закрепить победу.)

■ ■ ■

Необоснованное обвинение

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В № 2 журнала «Литературное обозрение» было напечатано «Письмо в редакцию» В. Соколова. В этом письме автору романа «Девять точек» М. Козакову приписываются заимствования из беллетристической книги В. Соколова «Партбилет № 0046340».

Обвинения, пред'явленные М. Козакову, обсуждались на последнем заседании президиума Ленотделения ССП.

Президиум признал, что цитаты, на которые ссылается В. Соколов, взяты М. Козаковым не из вышедшей в 1935 году книги «Партбилет № 0046340», а из публикации «Транспортно-техническое бюро ЦК РСДРП», напечатанной тем же В. Соколовым в 1922 г. в историческом журнале «Пролетарская революция».

Такого рода использование материалов в историческом романе, каким является «Девять точек» М. Козакова, по мнению президиума вполне допустимо и оправдано многочисленными примерами из литературной практики русских и иностранных писателей, работавших над исторической темой.

Признав обвинения, пред'явленные М. Козакову в журнале «Литературное обозрение» необоснованными, Президиум ЛенССП отмечает в своем постановлении по этому делу, что редакция «Литературного обозрения», печатая материалы, порочащие советского писателя, не сочла нужным предварительно проверить их.

Вечер Геннадия Фиша

Осенью 1931 года поэт Геннадий Фиш выехал в Карелию с намерением написать книгу стихов. Стихов поэт не написал. Он познакомился в Петрозаводске с участниками знаменитого ледового похода красных частей к Кимас-озеру. Мужественная борьба карел за освобождение своей родины захватила Геннадия Фиша, и он с увлечением стал собирать материалы по истории легендарного похода. Поэт рылся в архивах, беседовал с бойцами, сражавшимися в славном отряде Антикайнена.

Работать было трудно. Геннадий Фиш не знал финского языка. Часто одни сведения противоречили другим. Но поэт не отступил. После большой подготовительной работы он написал свою первую беллетристическую книгу, — книгу, которая сразу получила широкое признание у читателей нашей страны.

Вслед за «Падением Кимас-озера» Геннадий Фиш написал «Мы вернемся, Суоми» и «Третий поезд». Ни одно из этих произведений не прошло мимо читательской аудитории. Каждое из них было замечено и тепло принято.

28 марта писатель встретился в ДСП со своими читателями.

Отвечая на вопросы, Геннадий Фиш подробно рассказал о своей работе над произведениями, о своих встречах и наблюдениях, которые, возможно, явятся материалами новой книги.

Выступившие в прениях читатели и участник гражданской войны в Карелии т. Хальме дали высокую оценку книгам Геннадия Фиша. Но высказываний было мало, так как многие из присутствующих получили приглашения за 2—3 часа до начала вечера и не могли подготовиться.

В. ТОНИН.

Странная забывчивость

Шестого апреля трудящиеся Советского Союза отметят 125-летие со дня рождения великого русского писателя, пламенного публициста и борца с самодержавием А. И. Герцена.

Естественно было ожидать, что этим юбилеем заинтересуется орган, ведающий делом народного просвещения, — Наркомпрос, что он использует этот юбилей для широкой пропаганды и ознакомления школьников нашей страны с жизнью и творчеством великого русского писателя.

Но оказывается, что Наркомпрос на сей раз проявил странную и ничем необ'яснимую забывчивость.

Как мы узнали от руководящих работников наркомата, **никаких мероприятий к герценовскому юбилею Наркомпрос еще не наметил, никаких указаний не дал.**

Мосгороно, по словам заведующего внешкольным отделом т. Яковлева, ограничивается «проработкой» Герцена только в школьных литкружках. Следовательно, для основной массы московских школьников в связи с юбилеем Герцена ничего не делается.

Вечер Тициана Табидзе

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя им. Маяковского состоялся творческий вечер Тициана Табидзе.

Один из крупнейших мастеров современной грузинской поэзии прочел свои стихи.

Переводы стихов Тициана Табидзе читали Н. Тихонов, Б. Лившиц, Б. Брик и др. ленинградские поэты.

В обсуждении творчества Т. Табидзе приняли участие Н. Тихонов, Ю. Тынянов, К. Федин, В. Урушадзе и др. Вечер прошел с большим успехом.

Странные «откровения» «Комсомольской правды»

В предыдущем номере «Литературной газеты» мы посвятили передовую статью работе с молодыми писателями. Перечисляя в передовой недостатки этой работы, мы указывали на недиференцированный подход руководства союза к писательской молодежи без знания каждого отдельного писателя, указывали на «ставку» Литфонда «на имена», говорили, что критические «мэтры» не хотят писать о книгах молодых авторов, что и правление союза не организовало обсуждения произведений молодых писателей. Мы писали, что никто, в том числе и партийная организация московских писателей, не занимается вопросами большевистского воспитания молодых авторов, указывали на отсутствие крепкой связи и обмена творческим опытом между молодежью и старшим поколением писателей. Говорили мы также и о том, что молодые писатели недостаточно привлекаются к решению вопросов внутрисоюзной жизни, не привлекаются на заседания правления союза совместно с активом, на встречи с иностранными писателями и т. д.

«Комсомольская правда» в номере от 27 марта обрушилась на нашу передовую статью. Выдернув из нее именно наши указания на то, что молодежь не привлекается к участию в заседаниях правления ССП и что ее не приглашают на встречи с иностранными писателями, «Комсомольская правда» предпочла, во-первых, не заметить всех остальных вопросов работы с молодыми авторами, поднятых в нашей передовой, и, во-вторых, заявить, что «Литгазета» подменяет основные творческие вопросы организационными.

Что сей сон означает? Почему «Комсомольская правда» считает, что на заседаниях правления ССП решаются и должны решаться только организационные вопросы? Разве правление ССП не обсуждало, например, на заседании президиума творческие отчеты и произведения Леонова, Киршона, Пильняка? Разве в будущем на заседаниях правления ССП не должны стоять в центре внимания именно творческие вопросы? Еще более странно относить встречи с иностранными писателями к организационным вопросам. Так может рассуждать бюрократ, который в таких встречах видит только отбывание какой-то «повинности» и повод для банкета. А мы полагаем, что для молодых писателей участие во встрече с Ромэн Ролланом или с Рафаэлем Альберти и Марией-Тересой Леон, или с Лионом Фейхтвангером имело бы большое политически-воспитательное и творчески-вдохновляющее значение. Когда мы писали об участии молодежи в решении важнейших вопросов жизни союза писателей, мы имели в виду, что важнейшими вопросами являются политические и творческие вопросы и что правление ими-то и должно заниматься.

Кто же путает, кто же дезориентирует, кто неправильно воспитывает молодые кадры писателей? Очевидно ,не мы, а «Комсомольская правда», которая отстраняет молодых писателей от участия в решении важнейших вопросов жизни союза писателей.

Мы цитировали в передовой слова одного из товарищей, выступавших на совещании в «Литературной газете». Этот товарищ указывал, что в союзе писателей билеты на трибуны первомайской демонстрации и октябрьских торжеств всегда получают, примерно, одни и те же писатели по закостенелому списку установившихся репутаций. Он указывал, что, например, на заводах право входа на трибуну дают лучшим ударникам, лучшим стахановцам, что на канале Волга—Москва соревнующиеся бригады знают, что лучшие из них получат право проехать на первом пароходе по каналу.

Все это вызвало страшное возмущение «Комсомольской правды». Как? — кричит газета, — «оказывается, что истоки под'ема социалистического труда кроются в желании «проехаться» по каналу или получить билет на трибуну». Это-де клевета на лучших людей московских заводов, — вопит газета.

Вот уже поистине с больной головы на здоровую. Мы не хуже товарищей из «Комсомольской правды» знаем, что истоки под'ема социалистического труда лежат в стремлении народных масс укреплять и расширять завоевания социализма в нашей стране, сделать нашу жизнь еще более радостной, счастливой, зажиточной, повысить нашу оборонную мощь.

Это, однако, ничуть не противоречит тому, что лучших людей, лучших стахановцев наше правительство награждает орденами, что предприятия премируют их. Что же удивительного, если писатели, написавшие хорошие книги, создавшие их не ради премии, а ради того миллионного советского читателя, к которому они обращаются, вправе проводить параллели и сравнения и удивляться, почему правление ССП не замечает и не поощряет их хорошей литературной работы.

Не ясно ли, что весь шум о «клевете» поднят «Комсомольской правдой» совершенно зря.

Однако для чего понадобилось «Комсомольской правде» говорить о подмене творческих вопросов организационными, кричать о «клевете» «Литературной газеты», о нездоровых и отсталых настроениях, рупором которых стала будто бы «Литературная газета».

Нужно это, видимо, для того, чтобы опорочить то совещание писателей, которое было собрано в «Литературной газете» в связи с предстоящей перестройкой работы союза советских писателей на основе решений пленума ЦК ВКП(б). На этом совещании писатели выступали с критикой работы союза советских писателей и «Литературной газеты». Из речей на этом совещании мы опубликовали пока в сокращенном виде речь Н. Вирта и сегодня публикуем выступления некоторых других товарищей.

На каком же основании «Комсомольская правда» стремится заранее об'явить эту критику «нездоровым и вредным нытьем»?

Выступление «Комсомольской правды» мы расцениваем как помеху развитию самокритики в ССП. «Литературная газета» до сих пор мало и слабо критиковала работу союза писателей, и теперь, когда она это начала, выступать против нее с необоснованными неверными обвинениями и опорочивать созванное ею совещание писателей, — это означает мешать самокритике, которая в писательской среде необходима, как воздух.

Товарищи из «Комсомольской правды» взяли на себя странную и непобающую им роль.

Кому же из нас следует над этим «серьезно задуматься»?

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномочен. Главлита В—26117. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.